

УДК 82-32

РАССКАЗ А. ПЛАТОНОВА «ПЕСЧАНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА» В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ СТАТЬИ Б. ЭЙХЕНБАУМА «ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРНЫЙ БЫТ»

ГРЯЗНОВА Анна Юрьевна,преподаватель кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и фольклора,
Воронежский государственный университет

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена полемике в публицистике 30-х годов по поводу разделения писателей на «пролетарских» и инакомыслящих и анализу позиции Эйхенбаума в этом споре.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: советская идеология, теория социального дарвинизма, социальные схемы.

GRYAZNOVA A.Y.,Senior lecturer of the Department of the Russian literature of the XX–XXI centuries,
the theory of literature and folklore,
Voronezh State University

A. PLATONOV'S STORY "THE SAND TEACHER" IN THE IDEOLOGICAL CONTEXT OF B.M. EICHENBAUM'S ARTICLE "LITERATURE AND LITERARY LIFE"

ABSTRACT. The article is dedicated to the dispute in the publicistic writing of the 30s regarding the division of the writers into proletarian and dissidents as well as to the analysis of Eichenbaum's position in this dispute.

KEY WORDS: Soviet ideology, the theory of social Darwinism, social schemes.

Статья Б. Эйхенбаума «Литература и литературный быт» впервые была напечатана в 1927 г. в журнале «На литературном посту». Время написания статьи и печатный орган, опубликовавший её, заслуживают особого внимания. В конце 1920-х гг. наиболее активно развивается процесс становления советской идеологии. Сопрежжённые с ним гонения на инакомыслящих писателей и критиков можно считать предвестниками сталинских репрессий. Журнал «На литературном посту» во главе с Л. Авербахом отличался наиболее воинствующей критикой творчества так называемых «писателей-попугачиков», обладателей «непролетарской идеологии» [1].

Пolemика на страницах литературных журналов, как правило, разворачивалась по поводу двух групп вопросов: о критериях, позволяющих причислить писателя к тому или иному лагерю – пролетарскому или буржуазному, и о том, как следует поступать с «непролетарскими» писателями, чтобы они могли быть полезными новой культуре. В «научном» обосновании нетерпимости к инакомыслию использовалась теория так называемого социального дарвинизма. Ее суть состояла в перенесении принципа естественного отбора Ч. Дарвина в область социальных отношений, и в упрощённом виде она сводилась к следующему: рабочий класс, будучи более приспособленным для «выживания», вытесняет буржуазию, но в то же время неизбежно заимствует некоторые особенности её культуры, науки, быта и пр.

Столь вульгаризированная идея английского естествоиспытателя служила фальсификации науки, подменяла ее собой, придавала наукообразия жест-

ким социальным схемам. Многие литературные критики 1920-х гг. именно с этой целью распространяли теорию социального дарвинизма и на литературу. Журнал «На литературном посту», в котором вышла статья Б. Эйхенбаума, был в этом особенно последователен и настойчив. Так, например, И.С. Гроссман-Рощин в «Тезисах об упадочности в художественной литературе» представил своего рода классификацию писателей по их классовой принадлежности. Литературу феодальной интеллигенции, зажиточного крестьянства прошлого он оценивает негативно на том основании, что она «бессильна организовать волю класса» [2, с. 4]. «Мы называем эти группы упадочническими в результате учета объективной ситуации данного исторического момента» [2, с. 5], И.С. Гроссман-Рощин распространяет принципы социологического исследования своего времени на культуру других эпох.

Однако конец 1920-х годов – переходное время, когда идеологические постулаты еще не отвердели, и создавалось впечатление, что ошибочную теорию можно «подправить», устранив методологически неверное использование чуждой литературоведению терминологии. Это обстоятельство подтверждает статья Б. Эйхенбаума «Литература и литературный быт», в которой он, исходя из своего академического опыта размышляет над проблематикой, типичной для журнала «На литературном посту». Размышляя над литературной «продукцией» своего времени, он не может не отозваться и на интересующую рапповцев проблему взаимоотношения искусства и реальной жизни. Идеологи послереволюционного времени настаивали на необходимости сближения литературы и жизни для руководства

последней. Б.М. Эйхенбаум не может с этим согласиться. Он выступает против механического перенесения социальных и экономических законов на искусство: «С терминами и понятиями чужих, хотя бы и близких, наук надо обращаться осторожно и честно. Не для того литературная наука с такими усилиями освобождалась от обслуживания истории культуры, философии, психологии и т.д., чтобы стать служанкой юридических и экономических наук и влечить жалкое существование прикладной публицистики» [3, с. 436].

Осуждая склонность критики 1920-х гг. к поиску прямых причинно-следственных связей между литературой и социальными процессами, Б. Эйхенбаум пишет: «...анализ произведений с точки зрения классовой идеологии писателя... и причинно-следственное выведение литературных форм и стилей из общих социально-экономических и хозяйственных форм эпохи (напр., поэзия Лермонтова и хлебный вывоз в 30-х годах) – путь, который неизбежно лишает литературную науку и самостоятельности, и конкретности...» [3, с. 432].

Однако Б. Эйхенбаум увидел и другую, уже не литературоведческую, опасность в универсализации теории социального дарвинизма. Проникая в литературный быт, она оборачивалась классовыми критериями для совсем не безобидного разделения писателей-современников на идеологические группы. «Пролетарскую» литературу объявляли единственно верной, способствующей процессу литературной эволюции, а произведения, «неспособные организовать волю класса», именовали «упадочническими», «нежизнеспособными». Теория социального дарвинизма, использованная для характеристики художественных явлений, оборачивалась оправданием истребления буржуазии в качестве действия, продиктованного самой природой. При этом сам собой исключался аспект нравственный. Жестокость действия «естественного отбора» среди людей оправдывалась так же, как в животном мире необходимостью дальнейшей «эволюции».

Оказывая агрессивное влияние на литературный быт, а через него и на литературу, теория социального дарвинизма становилась регулятором «нового быта в отношении «профессионального положения писателя» [3, с. 430]. Приоритет, который получал писатель пролетарского происхождения, нередко распространялся и на оценку художественных достоинств его текстов. Она была тем выше, чем точнее такой писатель-ремесленник выполнял «заказ», применяя необходимые идеологические постулаты к реальной действительности.

От этой подмены пытался предостеречь и жизнь, и литературу Б. Эйхенбаум, предлагая в своей статье различать художественные факты и реальную действительность: «Литература, как и любой другой специфический ряд явлений, не порождается фактами других рядов и потому не сводима на них. Отношения между фактами литературного ряда и фактами, лежащими вне его, не могут быть просто причинными, а могут быть только отношениями соотнесенности, взаимодействия, зависимости или обусловленности... Поэтому сам выбор литературно-бытового материала и принципы его включения должны определяться характером связей и соотношений, под знаком которых совершается *литературная эволюция данного момента*» [3, с. 433–434] (курсив Б. Эйхенбаума. – А.Г.).

Однако теоретические «выкладки» Б.М. Эйхенбаума, как оказалось, не были нужны раповской

критике, рассматривавшей не отношения жизни и литературы, а «правильную» и «ошибочную» идеологию, чья правота подтверждалась жизнью и творчеством писателей, которые не отворачивались от реальной жизни и учились говорить не только о ее социально-экономических проблемах. К числу писателей, для которых борьба за жизнь не сводилась к классовым боям, а была связана с решением проблем нравственных, принадлежал Андрей Платонов.

С 20-х годов XX века молодой писатель был включен в настоящую борьбу за жизнь. После того, как в 1921 г. на страну обрушились голод и засуха, улучшение земель путем мелиорации стало его главной жизненной задачей: «Засуха 1921 г. произвела на меня чрезвычайно сильное впечатление, и, будучи техником, я не мог уже заниматься созерцательным делом – литературой» [4], – писал он в автобиографии 1924 г. Это различие литературной деятельности и научно-технической, расхождение слов и отстраненных наблюдений и конкретных действий, направленных на видимый результат, характеризует А. Платонова как человека, остро чувствующего требования времени. Он не совпадал в своих размышлениях с раповцами уже потому, что провозглашал приоритет жизни, а не литературы. Улучшению жизни, по Платонову, должна была служить и любимая им техника. Сходную мысль в 30-х годы XX века высказал немецкий философ Мартин Хайдеггер. Техника, являющаяся, по его мнению, одним из сущностных явлений Нового времени, – не просто средство или способ изготовления чего-либо, техника – это еще и одна из сторон бытия, не столько созданная человеком, сколько закономерно возникшая в ходе развития человечества: «Сама машинная техника есть самостоятельное видоизменение практики такого рода, что практика начинает требовать применения математического естествознания» [5, с. 41]. Таким образом, сама действительность, по мнению Хайдеггера, требует не только тех или иных изменений, но и инструментария для продуктивной деятельности: «Решительное развитие современного производственного характера науки создает соответственно и новую породу людей. Ученый-эрудит исчезает. Его сменяет исследователь <...> Исследователь сам собой неотвратимо вторгается в сферу, принадлежащую характерной фигуре техники в прямом смысле этого слова. Только в этом случае его деятельность действительна и тем самым, по понятиям его времени, актуальна» [5, с. 47].

Сходный характер размышлений находим у А. Платонова. Засуха 1921 года заставила думать об улучшении земель путем мелиорации. Создание техники для орошения земель в 1920-е годы было необходимостью, продиктованной самой жизнью. Поэтому молодой А. Платонов смог угадать истинных врагов своего народа – голод и засуху, в то время как напостовцы и другие приверженцы теории социального дарвинизма продолжали сражаться с буржуазией.

Внимание к проблемам, выдвигаемым самой жизнью, отражает рассказ А. Платонова «Песчаная учительница», написанный в том же году, в котором увидела свет статья Б.М. Эйхенбаума.

На первом плане в рассказе – конфликт двух народов. Русские, поселившись в селе Хошутове на границе с пустыней, вдохновляемые героиней рассказа Марией Никифоровной Нарышкиной, начинают озеленять пустыню. Но вскоре в село прихо-

дят кочевники, издревле проходящие чер-
тово каждые пятнадцать лет и подбирающие все,
что «степь вымогла из себя» [6, с. 79]. Они истреб-
ляют посадки русских, опустошают колодцы и за
три дня уничтожают все, над чем Мария Никифо-
ровна и хошутовцы трудились три года.

С позиций социального дарвинизма подобный
конфликт мог быть разрешен только удалением
одной из сторон: выживает сильнейший, в данном
случае – более идеологически устойчивый. Такой
способ разрешения конфликта обуславливало пере-
несение законов классовой борьбы в разрешение
литературного сюжета, т.е. А. Платонова подстер-
гала опасность, на которую указывал Б. Эйхенбаум:
применение методов и принципов какой-либо науки
в иной области человеческой жизни приводит к
«обытовлению» многих проблем, имеющих далеко
не бытовой смысл. В ситуации платоновского рас-
сказа этот принцип должен был обернуться, прежде
всего, забвением проблем нравственных.

А. Платонов делает акцент именно на нравст-
венном аспекте конфликта, заставляя героиню рас-
сказа понять, что и ее народ, и народ кочевников
имеют равные права на существование. После бесе-
ды с вождем кочевников Мария Никифоровна слов-
но забывает о бытовой стороне проблемы (об унич-
тоженных посадках), размышляя уже о ее метафи-
зических причинах, о «безысходной судьбе двух
народов, зажатых в барханы песков» [6, с. 81]
(курсив мой. – А.Г.). Конфликт, для которого тео-
рия социального дарвинизма предлагала столь про-

нравственной точки зрения оказывается более глу-
боким и драматичным, не имеющим простого ре-
шения. Молодой писатель, увлеченный проблемами
мелиорации, уверенный в том, что возможен даже
«ремонт земли» (название одной из ранних статей
А. Платонова), не соглашается с рапповской «про-
стотой» разрешения по внешней форме социального
конфликта.

Как видим, в русской литературе советского пе-
риода у теоретиков РАПП действительно были
идейные противники. К ним они с полным основа-
нием должны были отнести не своих идеологиче-
ских оппонентов, а тех, кто был уверен, что, увле-
каясь разработкой и применением «искусственно
созданных» теорий, человечество игнорирует нрав-
ственные и онтологические вопросы, в ключевые
моменты истории обретающие особую остроту. Ре-
зультатом деятельности «неистовых ревнителеев»
явилась идеологическая доктрина, не способная
отразить реальную жизнь и ее проблемы, т.е. про-
изошло то, что М. Хайдеггер назвал «страусиной
слепотой перед историческим моментом» [5, с. 52],
избежать чего человек может только при условии
глубокого осмысления событий своей эпохи, кото-
рое, по определению философа, «есть мужество ста-
вить под вопрос прежде всего истину собственных
предпосылок и пространство собственных целей» [5,
с. 41].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Авербах Л.Л. О беспринципном склочничестве и словесной трескотне / Л.Л. Авербах. – М. : 1926. – № 11–12. – С. 209.
2. Гроссман-Роцин И.О. Тезисы об упадочности в художественной литературе / И.О. Гроссман-Роцин // На литературном посту. – М., 1927. – № 1.
3. Эйхенбаум Б.М. Литература и литературный быт / Б.М. Эйхенбаум // О литературе. – М., 1987. – С. 432.
4. Ласунский О.Г. Житель родного города / О.Г. Ласунский. – Воронеж, 2007. – С. 167.
5. Хайдеггер М. Время картины мира / М. Хайдеггер // Время и бытие. – М., 1993.
6. Платонов А.П. Песчаная учительница / А.П. Платонов // Собр. соч. : в 3 т. – М., 1984. – Т. I.